

Отзыв

**официального оппонента на диссертацию Е.О. Третьякова
«Философия и поэтика четырех стихий в творческой системе Н.В.
Гоголя», представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.01.01. – «Русская литература»**

Актуальность диссертационного исследования Евгения Олеговича Третьякова не вызывает сомнений. В последнее время особенно многочисленны работы по космогоническим мотивам и мифопоэтике отдельных стихий в творчестве писателей и поэтов (В.Ф. Одоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, С. Есенина, А. Блока, М. Цветаевой и др.). В этом отношении представленная работа опирается на богатую интеллектуальную традицию осмысления античного мифологического наследия в текстах культуры Нового времени.

Диссертация Евгения Олеговича включается в парадигму современного гоголеведения, венцом которого представляется заявленный выпуск 23-х томов Полного академического собрания сочинений и писем писателя (в настоящее время вышло уже 5 томов). Борьба мнений о личности Гоголя и гоголевском наследии в контексте философии, литературы и культуры часто составляет предмет ежегодных Гоголевских чтений в г. Москве.

Несомненно одно - творчество Н.В. Гоголя (романтика и реалиста, символиста и экспрессиониста, мистика, передового художника и обскуранта) привлекает в начале XXI века все больше исследователей. Отчасти этому способствовал 200-летний юбилей писателя, о чем напоминает диссертант, но главным обстоятельством, определившим академический и читательский интерес, является, безусловно, обострившийся поиск национальной идентичности, границ национальной культуры. «Национальный вопрос» Гоголя напрямую связан со «всемирностью» его миромоделирования: с одной стороны, «всё» у гоголя подчас становится «русским», увиденным малороссом в масштабе глобуса, с другой стороны, «всё» обращено к вечным истинам, к

основам общечеловеческого бытия. Отсюда постоянный интерес отечественных и зарубежных литературоведов к тому, чтобы понять, из каких элементов состоит гоголевский мир, какие силы составляют его единство, заставляют ощущать постоянную актуальность его образов и положенных в их основу идей.

Нисколько не удивительно, что диссертант заинтересовался гоголевской космогонией, гораздо более удивительно, что он подошел к своему предмету совершенно «по-гоголевски», справедливо указав на то, что актуальность исследования базируется на «комплексном подходе к проблеме воплощения мировоззренческих положений писателя в частных реалиях его художественного мира, в данном случае – бытовании четырех стихий» (с. 7). Выбрав четыре стихии в качестве основы диссертационного исследования и сообразно им расположив четыре главы своей работы, Е.О. Третьяков изначально вступил в область проблематичную, поскольку ему требовалось доказать, что эти первоэлементы были действительно тем материалом, из которого Гоголь сознательно и бессознательно строил свой «всемир». Забегая вперед отметим, что с этой задачей автор справился успешно: работа достаточно убедительно продемонстрировала научную новизну и теоретическую значимость атомарного взгляда на гоголевский космос.

Научная новизна представленного исследования заключается в том, что впервые предпринята комплексная попытка анализа поэтики и философии четырех стихий гоголевского «всемира» как семиосферы. В работе выявлен семантический потенциал огня, воды, земли и воздуха в динамике развития гоголевского космоса: от «Ганца Кюхельгартена» до «Выбранных мест из переписки с друзьями». Кроме того, Е.О. Третьяков успешно справился с еще одной из поставленных им задач, уточнив понимание термина «четыре стихии» в свете современной литературоведческой проблематики, что, несомненно, послужит хорошим подспорьем для дальнейших интеллектуальных поисков в этом направлении.

Совершенно логичным выглядит обращение автора не только к античной парадигме четырех стихий, но и к современной Гоголю натурфилософской мысли, чему посвящен п. 1.1.1. Прежде всего, Е.О. Третьяков обращает внимание на то, что поэтико-философская мысль эпохи опирается на работы Гумбольдта и Гегеля, которые, в свою очередь, включались в контекст античных и средневековых философских построений о первоэлементах вселенской материи. Таким образом, диссертант предупредил многие вопросы, которые логически вытекают из заявленной темы: ясно, что, по меньшей мере, ключевые гоголевские природные образы должны быть интерпретированы в контексте господствовавшей в первой половине XIX века эпистемы.

Обращает внимание точность и последовательность изложения материала. Чтение работы наводит на мысль, что все гоголевское Пятикнижие было тщательно проштудировано диссертантом, даже т.н. «научные» статьи из сборника «Арабески» были подвергнуты рассмотрению в том комплексном аспекте, который был заявлен изначально. Повсеместно диссертант делает выкладки о частотности лексических единиц, встречающихся в гоголевских текстах, релевантных натурфилософскому «квадрату противоположностей».

Методология работы в целом не вызывает возражений: неоднократно проверенный комплексный подход, тем более сопрягающий в себе инструментарий семиотики и мифопоэтики (труды Ю.М. Лотмана, А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского, В.Н. Топорова, О.М. Фрейденберг и др.), позволил диссертанту доказательно выстраивать модель семиосферы четырех стихий у Гоголя. Однако, видимо, понимая всю сложность избранной темы, диссертант признает, что ему необходимо также использовать методы культурно-исторической школы и феноменологической критики, по всей видимости, ее французской разновидности, тяготеющей к поиску в исследуемом материале «первичных элементов», или архетипов, тем самым сближая феноменологию с психоанализом. Сам диссертант не говорит о том, что взял на вооружение психоаналитический метод (за исключением

примечания на с. 90, где допускается фаллическое толкование свечи Хомы Брута и указание на работу И.Д. Ермакова в списке литературы), но повсеместное использование термина «сублимация» в отношении гоголевского творчества однозначно говорит о том, что первоэлементы гоголевского мира диссертант воспринимает не только исходя из их архетипической сущности, но и в прямой связи с гоголевским подсознанием, тем самым контекстуально сближаясь с работами В.Н. Топорова и его коллег по психофизиологии творчества. К счастью, психоаналитический подход не выступил в представленной работе магистральным.

Высокая степень обоснованности и достоверности полученных в диссертации результатов является прямым следствием большого объема исследованного историко-литературного и философского материала, который автор критически осмыслил и применил ровно в том объеме, какой необходим для формирования крепкой доказательной базы.

В то же время, глубина осмысления гоголевского творчества, предпринятого на макро-и микроуровнях, и значительный научный потенциал молодого представителя Томской филологической школы провоцируют на соразмышления, а также вынуждают обратить внимание автора на некоторые слабые, на наш взгляд, стороны представленной работы.

Для начала о самой концепции четырех стихий. Справедливо указав на с. 21, что уже аристотелевская натурфилософия, а за ней и средневековая алхимия предполагали не четыре, а пять стихий (пятым элементом материи объявлялся «квинтэссенция» первых четырех элементов), Евгений Олегович в дальнейшем не развивает эту мысль, замыкаясь в рамках земли, огня, воды и воздуха. Можно ли, в таком случае, говорить о том, что идеи Парацельса и др. мыслителей, рассматривающих пятой стихией человека, нашли отражение в гоголевской космогонии?

К тому же странно говорить о том, что натурфилософия Гоголя рассматривается в контексте средневековой мистики и не упомянуть о склонности средневековых интеллектуалов к нумерологии, в частности,

приверженности к «космогоническому» числу четыре: четыре стороны света, четыре времени года, четыре возраста человека и др. Более того, чрезвычайно важным для развития этой темы нам представляется средневековое сопоставление четырех стихий с четырьмя евангелиями (как это сделал, например, бургундский монах Рауль Глабер в начале XI века): если что и должно было быть мифопоэтически осмыслено Гоголем (особенно периода создания «Мертвых душ»), так это Евангелия и связанная с ними мифопоэтика.

Справедливости ради нужно отметить, что числовую символику автор все-таки прослеживает, говоря о четырех базовых парадигмах гоголевского мировоззрения: «1) античность; 2) фольклор; 3) научная мысль; 4) религиозно-христианское миропонимание» (с. 13). В этом «квадрате» диссертант видит основу, традицию, от которой отталкивается Гоголь, а все, что выходит за эти рамки, он предлагает называть новаторством. Вопрос: почему в этом квадрате отсутствует пункт «Средневековье»?

Похвально стремление диссертанта построить целостную натурфилософскую картину, проступающую из всех гоголевских текстов, а также отметить преобладания отдельных стихий в разные периоды творчества Гоголя. Так, долгожданные рассуждения о структуре «стихийной» концептосферы появляются в конце п.1.2. (с.57), где предпринимается попытка распределить лексические единицы, относящиеся к стихиям, по ярусам, в соответствии с их мифопоэтической и символической нагрузкой. Думается, этому вопросу следовало уделить больше внимания и более подробно остановиться на критериях выделения натурфилософских концептов. Например, автор пишет: «ядерными концептами являются прямые наименования и случаи эксплицитного проявления в повествовании стихий как натурфилософских составляющих мира; периферию составляют понятия, с большей или меньшей степенью определенности связанные со стихиями в натурфилософском понимании» (с. 57). Получается, любое упоминание огня или воды автоматически означает натурфилософскую основу этих образов.

Существует опасность того, что в натурфилософы можно записать любого, кто рискнул описывать природу?

В ходе прочтения диссертации нельзя не обратить внимание на хороший научный стиль изложения, но временами автор явно «сгущает» научные краски. Так, на с. 59 Евгений Олегович решается дать «рабочее определение души», а на с. 107 вводит неологизм «фантазмизация». Может быть, лучше было бы дать рабочее определение «фантазмизации», «экзистенциализации», «философизации» и «утопизации»?

Кроме того, диссертационный текст явно оживляют следующие фразы: на с. 27 Гоголь «ритуально» сжигает тираж «Ганца Кюхельгартена» (что за ритуал? Вуду? Каббала?); на с. 53 Шпонька оказывается «оторван от онтологии бытия, приобщаясь к ней лишь изредка, временами»; на с. 55 заколдованное место выступает «червоточиной инобытия в сердце онтологии» и т.д. Думается, подобный недостаток свойственен большинству начинающих исследователей, считающий крайне необходимым наукообразить и без того уже добротный научный текст.

Заключение по работе. Представленная к защите диссертация Евгения Олеговича Третьякова проливает свет на философию и поэтику четырех стихий в творчестве одного из самых значительных русских писателей XIX века. Работа содержит целостную концепцию четырех стихий, базирующуюся на большом объеме историко-литературных источников. Концептосфера четырех стихий Гоголя доказательно вписана в философскую традицию, идущую из Античности через Средневековье, а также рассмотрена в контексте философских и эстетических представлений эпохи.

Работа четко и логично структурирована. Творчество Гоголя и место в нем четырех стихий рассмотрено с позиций системности и динамичности, в соответствии с этим можно отметить, что композиция работы вполне соответствует логике мысли диссертанта и вполне гармонична его задачам. Текст диссертации, в общем и целом, грамотен и корректен.

Нет никаких сомнений в том, что представленная работа глубоко самостоятельна, оригинальна и является плодом долгих размышлений над сложнейшими областями поэтики Гоголя и философскими вопросами бытия, что свидетельствует о профессиональной зрелости диссертанта.

Автореферат и указанные в нем научные статьи Евгения Олеговича вполне отражают основное содержание диссертации. Научная содержательность и общее количество опубликованных статей (12, из них 3 – в журналах из списка ВАК) соответствует предъявляемым требованиям.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация **«Философия и поэтика четырех стихий в творческой системе Н.В. Гоголя»** соответствует всем требованиям, изложенным в пункте 9 действующего «Положения о присуждении ученых степеней», предъявляемым к кандидатским диссертациям. Автор диссертации, Третьяков Евгений Олегович, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература».

Алексеев Павел Викторович, к.ф.н.,
научный сотрудник управления научных
исследований ФГБОУ ВПО «Горно-Алтайский
государственный университет»,
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, д. 1,
раб. тел. (38822) 267-35, conceptia@mail.ru

Алексеев П.В.

П.В. Алексеев

